

Академия наук значительно расширила свои площади благодаря тому, что в 1880-е гг. со Стрелки Васильевского острова порт и портовые службы, находившиеся здесь с XVIII в.²⁶³, были переведены на Гутуевский остров; постепенно стали освобождаться и передаваться другим ведомствам занимаемые ими здания. В 1890 г. здание Южного пакгауза было передано Академии наук и в течение шести лет перестраивалось для целей Зоологического музея.

Зоологический музей находился в здании, которое имеет в плане П-образную форму и примыкает к главному зданию, образуя с ним просторный внутренний двор²⁶⁴. Флигель использовали для хранения коллекций, и поэтому он получил название Музейный флигель, или «Музеум»²⁶⁵. Зоологический музей занимал большую часть первого и второго этажей: его выставочные залы выходили окнами на Таможенный переулочек и Биржевую площадь. Музей, постоянно пополнявший свои коллекции, был буквально набит экспонатами, и неудивительно, что крыловский «Любопытный» увлекся рассматриванием бабочек и множества мелких животных и так и не добрался до слона, который находился в самом конце экспозиции. Два выставочных зала и несколько рабочих комнат в восточном флигеле занял Ботанический музей. В западном флигеле, вдоль Университетской линии (теперь Менделеевской), расположился Минералогический музей. Все выставочные помещения были без печей, потому что считалось, что холод полезнее для сохранности экспонатов²⁶⁶. Работы по переустройству

²⁶³ В 1736 г. Академия наук адресовала в главную полицейскую канцелярию жалобу на то, что набережная близ Академии наук превратилась в складское место, где навалены товары и даже построены амбары: *Материалы для истории имп. Академии наук*. СПб., 1886. Т. 3. С. 83.

²⁶⁴ Западный фасад здания выходит на Менделеевскую (бывш. Университетскую) линию, северный — на Биржевой проезд № 1 (бывш. Биржевая площадь) и восточный — на Таможенный переулочек. В частях, обращенных на улицы, здание двухэтажное, а со стороны двора — трехэтажное. Со стороны дворового фасада в каждом углу соединения флигелей с центральным корпусом находится по высокой ротонде с полукруглой крышей. В 1829 г. в восточную ротонду был перенесен восстановленный после пожара Готторпский глобус.

²⁶⁵ *Басаргина Е. Ю.* Музейный флигель Академии наук // *Наука и техника: Вопросы истории и теории: Тезисы XXII годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники* (26–28 ноября 2002 г.). СПб., 2002. Вып. XVIII. С. 33–35.

²⁶⁶ Из-за недостатка помещений в зданиях Академии наук учрежденная в 1890 г. Лаборатория по анатомии и физиологии растений находилась в наемной квартире: с 1890 по 1898 г. она располагалась на 6-й линии Васильевского острова, в доме № 23, кв. 15, а позже была переведена в более обширное и удобное помещение по Среднему проспекту, в дом № 27, кв. 6. В таком же положении находилась Физиологическая лаборатория, учрежденная

и переезду Зоологического музея повлекли за собой закрытие всех музеев для публики на 10 лет. Только в 1900 г. завершился переезд экспонатов из Музейного флигеля в новое здание²⁶⁷.

Освободившиеся помещения были распределены между другими музеями. Ботанический музей, состоявший главным образом из гербариев, занял весь второй этаж восточного флигеля (по Таможенному пер.) На первом этаже этого флигеля расположился Азиатский музей. Это название было чисто историческим: главное его богатство составляли коллекции восточных рукописей и библиотека по востоковедению. Минералогический музей значительно расширил свою площадь и занял весь второй этаж по Университетской линии, захватив половину второго этажа вдоль Биржевого проезда. Часть помещений в центральном корпусе была передана Особой Зоологической лаборатории (до этого времени лаборатория, организованная в 1894 г., занимала квартиру в частном доме на 5-й линии Васильевского острова, д. 20) и Анатомическому музею. Третий этаж был отведен под квартиры и кабинеты. Судя по сохранившемуся плану 1907 г., в первом этаже по Университетской линии располагались квартира академика Залемана и Физиологическая лаборатория, на Биржевую площадь выходили окна квартир академиков Ольденбурга, Заленского и Шмидта²⁶⁸.

Тяжесть работы по внутреннему обустройству Зоологического музея легла на плечи директора музея Ф. Д. Плеске, а потом сменившего его на этом посту В. В. Заленского. В 1894 г. была создана Строительная комиссия по переустройству зданий Зоологического музея, а в 1896 г. — Комиссия по внутренней реконструкции здания Зоологического музея. В. В. Заленский, директор музея в 1897–1906 гг., специально ездил за границу, где изучал организацию экспозиций европейских музеев. В результате новая экспозиция принципиально отличалась от старой: она была просторна и состояла главным образом из биологических групп, в которых животные показаны в естественных условиях, подавляющее большинство экспонатов находилось под стеклом. В феврале 1901 г. экспозиция Зоологического музея в новом здании была открыта для публики, хотя очень многое в ней требовало доработки²⁶⁹.

в 1889 г., ее директором с 1907 г. был И. П. Павлов. Химическая лаборатория занимала нижний этаж в доме № 17 по 8-й линии Васильевского острова.

²⁶⁷ Южный пакауз отделяет от Музейного флигеля Таможенный переулок, и на время переезда через него был сделан крытый переход, по которому переносили экспонаты.

²⁶⁸ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 22. Д. 7. Л. 37.

²⁶⁹ В 1910–1915 гг. была осуществлена его реконструкция, во время которой была надстроена двухэтажная часть здания. Музей интенсивно пополнялся новыми экспонатами: например, в 1900 г. поступила коллекция бабочек (более 110 тыс. экземпляров) в дар от

В 1902 г., через год после открытия Зоологического музея в новом здании, в газете «Русские ведомости» (№ 32 от 1 февраля 1902 г.) появилась заметка с упреками по адресу администрации Зоологического музея, в первую очередь, академика Заленского. Автор статьи, молодой орнитолог и охотовед С. А. Бутурлин, подверг серьезной критике отдел млекопитающих в связи с неверным определением и этикетированием отдельных животных и указал на ряд крупных неточностей в «Путеводителе по музею»²⁷⁰.

Бутурлин затронул в своей статье больной вопрос, который обсуждался в самой Академии в 1896 г. во время выборов на кафедру зоологии и место директора Зоологического музея. Для развития музея имело принципиально важное значение, кто возглавит его: специалист по систематике животных или морфолог. Дискуссия велась вокруг кандидатур морфолога Заленского и систематика, заведующего маммологическим отделом (т. е. отделом млекопитающих) музея Е. А. Бихнера (или Бюхнера). Заленского предложил А. О. Ковалевский, Бихнера — Шмидт. Спор по этому первоначальному для музея вопросу был решен с помощью старого тактического приема противопоставления немцев и русских. Дело кончилось тем, что по настоянию Ковалевского академиком и директором музея был избран профессор Новороссийского университета Заленский, эволюционист и крупный специалист по червям²⁷¹. Однако после этого борьба между морфологами и систематиками в Академии не только не прекратилась, но еще более усилилась. Установились крайне напряженные отношения между директором и научным персоналом музея, чему способствовали тяжелый характер и честолюбие Заленского. В 1898 г. освободилась кафедра зоологии, но Заленский дал о Бихнере резко отрицательный отзыв, и дело о его избрании не пошло дальше подготовительной выборной комиссии. Вскоре после этого Бихнер вышел в отставку, и заведование отделом млекопитающих взял на себя директор. Ему и адресовал свои упреки Бутурлин.

По мнению академической коллегии Физико-математического отделения, обвинения Бутурлина касались не только лично академика Заленского, но задевали честь отделения, в ведении которого находился музей, и

вел. кн. Николая Михайловича, в 1901 г. — труп мамонта, найденный на р. Березовка. Подробнее см.: *Наумов В. Д.* Зоологический музей АН СССР: Краткая история и описание экспозиции. Л., 1980; *Слепкова Н. В.* На Васильевском острове у Дворцового моста. 1901–2001. СПб., 2001.

²⁷⁰ Путеводитель по Зоологическому музею Императорской Академии наук. СПб., 1901.

²⁷¹ Летопись Российской Академии наук. 1861–1900. С. 559–560; Протоколы заседаний ФМО. № 17. 14 ноября 1896 г. § 409; № 18. 18 декабря 1896 г. § 440.

Академии в целом. Академики ждали веского опровержения этой статьи со стороны Заленского, но тщетно: в течение двух месяцев Заленский хранил полное молчание. Тогда три академика, Баклунд, Бейльштейн и Сонин, обратились к Заленскому с просьбой разъяснить отделению, насколько упреки Бутурлина основательны²⁷². Большинство ошибок Заленский пытался отнести на счет своих предшественников, покойных академиков Ф. Ф. Брандта и А. А. Штрауха, и в особенности Бихнера. Кроме того, безо всякой связи со статьей Бутурлина Заленский вспомнил о том, что Бихнер в 1898 г. ошибся при покупке чучела гориллы: то, что Бихнер принял за мелкую самку гориллы на деле оказалось очень старым самцом шимпанзе. В результате музей вместо необходимого ему чучела гориллы получил ненужный экземпляр шимпанзе, и эта ошибка обошлась музею в 500 руб.

Объяснения Заленского не удовлетворили Бейльштейна, и он потребовал нового разбирательства. Оба участника дискуссии заготовили речи и представили их на просмотр президенту. Константин Константинович брезгливо от них отмахнулся: «Записки академиков Бейльштейна и Заленского, предположенные ко внесению в ФМО, слишком, по-моему, отзывают стиркой своего грязного белья, чтобы допустить их прочтение»²⁷³.

Никитин по этому принципиальному вопросу занял прямо противоположную позицию. По его мнению, научная полемика должна быть неотъемлемой частью академической жизни, и любой член Академии имеет право высказывать свои замечания и недоумения по поводу работ своего коллеги. В том случае, если научная работа члена Академии подвергается резкой критике в печати, то тем более ему нельзя отказать в праве отвечать на такое порицание. «Пусть бы — думается мне, — убеждал Никитин Константина Константиновича, — Бейльштейн прочел свою записку, опустив те, довольно многочисленные — к сожалению — места, в которых не факты заявляются, а предаются осуждению предполагаемые личные качества и побуждения противника... Несомненно, что в ответе Заленского на статью Бутурлина и нет серьезных опровержений, нет прямого оправдания для отмечаемых критиком ошибок. Но в этом случае какой-нибудь ответ все же лучше, чем молчание. Если он будет доложен и будет обсуждаться в собрании, произойдет одно из двух: или г. академик найдет случай и возможность существенно дополнить свою защиту, или получить полезное напоминание о том, что член коллегиального учреждения ответственен не

²⁷² Протоколы заседаний ФМО. № 7. 24 апреля 1902 г. § 167.

²⁷³ ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 54. Л. 4–5. Письмо Константина Константиновича П. В. Никитину от 11.03.1903.

только перед законом и властью, но в таких делах, на которые действие закона и власти не распространяется и в которых компетентна коллегия, ответственен и перед общим мнением своих коллег»²⁷⁴.

Никитин убедил президента разрешить возобновить полемику. Сам Константин Константинович на заседании ФМО не присутствовал, предоставив вице-президенту руководить прениями.

Хорошо известно, что продолжительность и корректность прений во многом зависела уже от умения председателя собрания вести дискуссию. Никитин имел большой опыт ведения разного рода заседаний и на посту ректора, и вице-президента, и хорошо владел этим искусством. Латышев специально отметил «строго беспристрастное председательство в академических заседаниях, корректное и деликатное руководство прениями даже во время возникавших иногда страстных дебатов по тем или другим животрепещущим вопросам»²⁷⁵.

На заседании ФМО 19 марта Бейльштейн прочел свою записку, в которой сосредоточил все внимание на недочетах деятельности Заленского, о том же, что он сделал полезного для музея, для которого тот не жалел сил и труда, не упоминалось ни единым словом. Среди прочего Бейльштейн коснулся в своей записке и покупки Бихнером чучела обезьяны и старался показать (с чужих слов, так как он сам был специалистом по химии), что это чучело представляло собой спорный экземпляр и могло быть причислено к *anthropopithecus Tschego* (т. е. гориллы), а не как *anthropopithecus troglodytes* (т. е. шимпанзе), как утверждал Заленский²⁷⁶.

Резкий тон выступления Бейльштейна заставил Заленского написать ответ на его возражения, который он прочитал на заседании ФМО 16 апреля. По счастливой случайности кроме скупой протокольной записки сохранилось живописное описание этого ученого собрания, сделанное Никитиным: «Заседание длилось 3 часа: опять шла полемика, — рассказывает Никитин в частном письме Розену, — Заленский дал блестящую (по крайней мере, на взгляд неспециалистов) отповедь Бейльштейну. В заседании присутствовала огромная настоящая — к сожалению, не живая — обезьяна: знаменитое отныне чучело, в котором Заленский признал самца, а Бихнер самку. Театральным жестом простирая руку к этому чудищу, Заленский просил многоуважаемого сочлена указать, где он находит признаки,

²⁷⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 22. Л. 23 об. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 11.03.1903.

²⁷⁵ Латышев В. В. Памяти Петра Васильевича Никитина. С. 936.

²⁷⁶ Протоколы заседаний ФМО. № 6. 19 марта 1903 г. §143 (и IV-е приложение: Записка академика Ф. Ф. Бейльштейна по поводу возражений академика В. В. Заленского на статью г. Бутурлина).

по которым считает возможным определять эту обезьяну как *anthropopithecus Tschege*, а не как *anthropopithecus troglodytes*. Многоуважаемый, конечно, молчал, а торжествующий Заленский при помощи книг и рисунков разъяснял нам, что мы видим перед собой несомненного, но несколько от старости сильно облысело *anthropopithecus troglodytes*. Речь была так убедительна, что не возражал даже Марков»²⁷⁷.

По просьбе Заленского собрание решило все заявления и возражения по поводу статьи Бутурлина напечатать отдельной брошюрой в количестве 200 экземпляров и выдать Заленскому для рассылки натуралистам и лицам, интересующимся делами Зоологического музея²⁷⁸. В довершение этого скандала сын академика Ф. Ф. Брандта, профессор Харьковского университета А. Ф. Брандт, выступил в защиту памяти своего отца²⁷⁹. Ответ Заленского А. Ф. Брандту положил конец затянувшейся дискуссии²⁸⁰. В 1906 г. Заленский передал заведование музеем Н. В. Насонову.

Музей антропологии и этнографии

В начале XX в. преобразился Музей антропологии и этнографии. В течение четверти века, с 1894 по 1918 г. его возглавлял В. В. Радлов. Необходимо отдать должное его выдающейся роли в организации научного этнографического центра в Академии наук. Радлов объединил вокруг музея свежие научные силы в области этнографии и археологии, что вскоре привело к стремительному росту коллекций, развитию полевых исследований и формированию экспозиции по национально-географическому принципу²⁸¹. Радлов был предприимчивым администратором со связями в правительственных и деловых кругах, которыми он постоянно пользовался на благо своего музея, иногда, впрочем, в обход заведенных в Академии порядков.

²⁷⁷ ПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 17 об. Письмо П. В. Никитина В. Р. Розену от 16.04.1903.

²⁷⁸ Свод прений, происходивших в заседаниях Физико-математического отделения императорской Академии наук по поводу статьи Бутурлина, напечатанной в «Русских ведомостях» в 1902 г. СПб., 1903.

²⁷⁹ Протоколы заседаний ФМО. № 12. 29 октября 1903 г. § 321 (и II-е приложение: В защиту памяти директора-основателя Зоологического музея императорской Академии наук Ф. Ф. Брандта).

²⁸⁰ Протоколы заседаний ФМО. № 13. 19 ноября 1903 г. § 357 (и II-е приложение: Ответ академика В. В. Заленского на заявление профессора А. Ф. Брандта).

²⁸¹ Обстановка в музее была домашняя: иногда Радлов даже давал напрокат костюмы в гимназию своего приятеля К. Мая, географа по специальности. Воспитанник гимназии К. Мая А. Бенуа вспоминал, что однажды ученики Мая, желая порадовать своего учителя в день его рождения, «приготовили „шестные рек“, в соответствующих костюмах и с произнесением каждой „рекой“ уморительных немецких стишков, сочиненных известным уче-